

Жити любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

| М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

ПАИНЫКИ ТОЖЕ
БУНТУЮТ



МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Художественное оформление серии
Сергея Власова

Тренина, Татьяна Михайловна.
Т73 Паиньки тоже бунтуют : роман / Татьяна Тренина. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-106175-3

Лида Савельева, что называется, хорошая девочка и для друзей, и для коллег, и для своего возлюбленного Артёма. Вот только Алексей, жених лучшей подруги, свою знакомую таковой не считает. И все же, несмотря на колючий характер Лёши, Лида старается быть с ним приветливой. Но однажды терпению девушки приходит конец, и она изменяет свое поведение. А вместе с тем открываются и неприятные тайны ближайшего окружения. Так ли честен с Лидой Артём? Что стоит за навязчивой заботой подруги? И почему Алексей ненавидит Лиду?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106175-3

© Тренина Т., 2018
© Оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2019



Мне показалось, что дорога к дому вытянула из меня все силы. Вроде бы расстояние совсем небольшое, обычно весь путь пешком занимает минут десять от поликлиники, но под конец этого короткого променада у меня возникло ощущение, будто я весь день продиралась через непроходимые джунгли. И, главное, настроение окончательно испортилось.

Умом я понимала, что всему виной простуда, которая прицепилась ко мне во время очередной командировки, но душа моя все равно томилась и плакала. Словно случилась какая-то неприятность, произошло против моей воли нечто тягостное, грустное, непреодолимое. То, чего нельзя изменить. Как говорят немцы — *Zu spät ist zu spät*, что в буквальном переводе значит: слишком поздно — это слишком поздно.

И к тому же этот февраль: мокрый, холодный, грязный московский февраль. Когда, как ни оденешься, все равно сначала взмокнешь, потом замерзнешь или наоборот. Под ногами — жижа, под жижей —

лед, и обвинять в бездействии коммунальные службы, следящие за чистотой дорог, бесполезно. Потому что с неба непрерывно льет то ли снег, то ли дождь и никакая, даже самая совершенная ливневая канализация, наверное, не способна справиться с этим потоком заледеневшей густой каши, приправленной едкими реагентами.

Обычно я не позволяла себе ныть и расслабляться. Ведь уныние — грех, тем более когда по факту в жизни все хорошо. Ну ладно, не хорошо, но нормально. Сколько вокруг людей, у которых действительно настоящие проблемы, даже трагедии... Отчего же я тогда стою сейчас во дворе своего дома и едва не реву?

У меня есть всё. Собственное жилье, например. У меня есть работа, и отличная работа! По профессии я переводчик-синхронист с немецкого языка. Я всегда востребована, мне неплохо платят, и даже с начальством повезло: мой шеф Борис Львович Буслук — добродушный и незлопамятный дядька, обычно старается идти мне навстречу в отличие от тех извергов-начальников, о которых так часто рассказывают окружающие.

Я молода, мне всего тридцать два года. Да, это не юность, но и не солидный возраст, в наше-то время. К тому же я не просто молода по факту, я и выгляжу хорошо, так что незнакомые обращаются ко мне не иначе как «девушка»... Бывает, что и девочкой называют. Вот недели три назад в супермаркете по-

жилая дама, протянув мне пачку творога, попросила: «Девочка, помоги разобраться, где тут пишут про срок годности, не закончился он еще?» Я была тогда в пуховике, джинсах и кроссовках. «И правда, девчонка», — подумала я, взглянув мельком на свое отражение в зеркальной витрине.

Я симпатична. Не красавица, конечно, но и уродиной меня не назвать. Ко мне часто подходят мужчины с намерением познакомиться, а приятельницы щедры на комплименты, хоть и завуалированные. Спрашивают, каким кремом пользуюсь, где купила такое милое платье, чем мою волосы, отчего они у меня так блестят... Наталья, лучшая подруга, всегда с восторгом твердит: «Ах, у тебя, Лида, настоящий скандинавский тип внешности!» Комплимент? Конечно!

Мой жених — Артем — надежный, солидный, спокойный и ответственный мужчина. Наверное, именно о таком спутнике жизни мечтает каждая девушка.

Я здорова. Ну, конечно, без мелких болячек никуда... Но в общем и целом я не инвалид, у меня нет серьезных хронических заболеваний, нет каких-либо противопоказаний для занятий спортом, например; и я в состоянии выносить и родить здоровых детей. Да, в данный отрезок времени я маялась от простуды, что неприятно, но ведь любая простуда рано или поздно проходит.

Так о чем еще мечтать, чего желать? У меня все есть, я должна считать себя счастливым человеком.

Но отчего тогда хочется сейчас плакать, почему вдруг возникло это мерзкое ощущение, навевающее мысли о том, что счастья нет, что все шатко и неопределенно, что все люди вокруг лгут и никому нельзя верить: ни начальнику, ни лучшей подруге, ни жениху, ни даже старухе из супермаркета?.. И даже себе верить нельзя, потому что кто она, эта Лидия Александровна Савельева, тридцати с небольшим лет, которая всем улыбается и никогда не скандалит? Может, она и есть самое главное чудовище, спрятавшееся под маской милой и приветливой девушки-переводчицы?

Нет-нет, это все болезнь, эта противная простуда играет сейчас с моими нервами. Только вот когда же наступит просвет и вернется ощущение легкости и постоянного счастья, когда перестанет гудеть в ушах? Этот противный, тревожный звук, напоминающий звук сирены...

Я подняла лицо вверх — на мутно-серое небо, откуда падал мокрый холодный снег, который таял на скулах, а затем стекал вниз по щекам, словно само небо вздумало плакать за меня.

— ...Вот же люди! Я кричу, кричу... Пожилой человек просит, а она...

— А? — очнулась я и оглянулась. Сзади стояла соседка по подъезду, Валентина Сергеевна, с внуком Максимом.

— Я говорю: подвинулись бы чуть! Тут вот одна дорожка во дворе, где пройти можно, а вы, Лидочка, и ее заняли.

— Добрый день, Валентина Сергеевна. Я и не слышала.

— Ну как можно не услышать, молодая же еще.

— У меня уши заложены. Отит. Звуки доносятся словно через вату. Отоларинголог вот антибиотики выписала. — Я достала из кармана коробку с лекарством и показала Валентине Сергеевне. Максим, мальчик лет семи в грязном комбинезоне, равнодушно ковырял мыском сапога размякшую жижу под ногами.

— Ах ты, вон оно что... — сочувственно скривилась Валентина Сергеевна. — Но это пройдет?

— Сказали, что лечится. Осложнение после простуды.

— После простуды... Господи, Максим, не вздумай мне заболеть! Видишь, что может быть, если во всех лужах валяться? Ты понимаешь, как это опасно? Без ушей можешь остаться!

Я отступила в сторону, Валентина промаршировала мимо, таща за собой внука и продолжая угрожающе причитать. К счастью, половину ее нотаций я уже не слышала.

Они ушли, а мне на мгновение стало страшно. А вдруг и правда всю оставшуюся жизнь придется ходить с ощущением того, что в уши набита вата? И то и дело переспрашивать у окружающих: «А, вы что-то сказали? Простите, не расслышала!» Но, с другой стороны, отоларинголог, молодая женщина, спокойно и рассудительно объяснила мне, что,

если пропить курс лекарства, воспаление исчезнет, насморк пройдет и я вновь вернусь в нормальное состояние.

А вдруг все не столь радужно?! Ведь врачи тоже ошибаются.

Я подождала минут пять, чтобы еще раз не сталкиваться с Валентиной и ее внуком, а затем зашла в подъезд.

Около почтовых ящиков были разбросаны рекламные проспекты. Я хотела поднять их, собрать, положить на подоконник (не люблю, когда беспорядок), но, когда наклонилась, в висках зашумело, внутри ушей заныло... «Да что ж мне опять больше всех надо!» — остановила я себя и принялась подниматься по лестнице на пятый этаж. Лифта в нашем доме не было.

На втором жила Валентина. Из-за двери раздавался ее приглушенный, доносящийся словно издалека голос... Судя по всему, она продолжала отчитывать внука.

На третьем этаже курил какой-то парень в тренировочном костюме. Парень проводил меня липким взглядом.

На четвертом высоко над головой нависали велосипеды. Повесили их так, чтобы не украли. Велосипеды принадлежали Ульяне и Роберту, паре неопределенного возраста, которая придерживалась здорового образа жизни.

Велосипеды эти — огромные, красивые, блестящие — вроде не мешались, но так угрожающе навис-

сали сверху, что я всегда старалась быстрее пройти площадку на этом этаже.

Наконец я добралась до пятого. Вся взмокшая, с колотящимся от подъема сердцем, я открыла дверь. В лицо пахнуло вареной капустой. Значит, Тугина снова решила сесть на диету. Моя соседка... Кстати, к вопросу о собственном жилье. Да, у меня есть комната в коммуналке, и это не так уж плохо. У меня имеется своя жилплощадь в Москве, и рядом всего лишь одна соседка — в общем, неплохая тетка, которая не пьет, не курит и даже не скандалит.

— Ну как? А, ты ж теперь как бабка тугоухая... Ну как ты, Лид? — заорала Тугина.

— Прогноз благоприятный, Алевтина Антоновна, — с уклончивой вежливостью ответила я.

Алевтина. Валентина. Похожие имена. Тина...

— Да? Не верю я нашим врачам... — продолжила вещать с кухни Тугина, гремя посудой. — Лежала я как-то в клинике лечебного голодания, еще в те времена, когда замужем за Павлом была. Столько денег этим врачам отвалила... И что? Двадцать кило сбросила, а потом тридцать набрала!

У моей соседки была не самая счастливая женская судьба. От первого, раннего, брака Тугина родила дочь Аришу. Муж через некоторое время скрылся в неизвестном направлении. Тугина сама, как она выражалась, «поднимала» дочь. Достаточно изучив свою соседку, я могла предположить, что Ариша рос-

ла как трава под забором. Сама Алевтина работала в то время билетершей в кинотеатре.

Затем в ее жизни появился тот самый Павел, второй муж. Человек мягкий, робкий и совестливый. Настоящее сокровище, если подумать. Но Алевтина не думала, она всегда плыла по течению, совершать ненужные движения и напрягать лишний раз голову ей было очень тяжело.

Павел мечтал о собственных детях. А Тугина, приобретя опыт материнства с Аришей, уже знала, сколь нелегкий это труд. Алевтина увиливала от деторождения всеми возможными способами.

Ариша росла, муж Павел продолжал смиренно и настойчиво вымаливать детей. Так и шли годы. Ариша достигла возраста совершеннолетия, познакомилась с каким-то приезжим молодым человеком, у них случился стремительный роман, и вот — Ариша уже в Америке, счастлива замужем, у нее двое детей, и никакая сила не может вернуть ее в Россию, к матери. Тугина так и говорила, со скорбной интонацией в голосе: «Ариша от меня сбежала...»

О муже своем Алевтина не беспокоилась: он-то точно не сбежит от нее, такой тюфяк. И с детьми перебьется. Пройдет время, и успокоится, поймет, что поздно уже вешать себе на шею ярмо. Но для начала, чтобы муж не доставал ее надоевшими речами, она сообщила Павлу, что вступила в тот самый возраст, когда женский организм перестает быть способным к деторождению.

Павел сник, расстроился, но вроде бы действительно смирился со своей долей. А через некоторое время взял да и ушел. Внезапно. К какой-то приезжей из ближнего зарубежья, совершенно простой женщине, работавшей в Москве нянечкой в детском саду. И эта женщина родила ему сына. Ко всему прочему, Гуля (так звали новую пассию Павла) относилась к нему как к божеству. Смотрела ему в рот, выполняла любой каприз, ни в чем не перечила. Квартира вылизана до блеска, обед из трех блюд приготовлен, ребенок выкупан и тянется пухлыми ручками к счастливому папочке... Даже рубашки выглажены!

О подобном счастье в браке с Алевтиной Павел и мечтать не мог. Но самое удивительное, что Павел продолжал навещать Тугину, периодически давал ей деньги, всячески помогал: то лампочку вкрутит, то новую люстру повесит... Он мучился совестью, переживал за первую жену. Самое удивительное, что даже в этом вопросе Гуля не перечила Павлу, отпустила его с визитами к Тугиной без пререканий.

А Тугина впала в депрессию. Я подозреваю, что она всегда находилась в состоянии легкой тоски, отнимавшей у нее силы и не дававшей заниматься ничем особо полезным. Ей оставалось только лежать на диване и щелкать кнопками пульта от телевизора. Но все же время от времени Алевтина пыталась себя чем-то занять. Чем-то, что позволило бы ей жить, не особо напрягаясь, и притом ни в чем себе не отка-

зывать. Она занималась то сетевой торговлей, то перепродажей каких-то товаров... Однажды Алевтина прогорела, набрав кредитов, и была вынуждена продать свою квартиру за долги.

Вот так лет десять назад Тугина оказалась в этой пятиэтажке и заняла одну из комнат. А во второй комнате уже жила я. С девятнадцати лет. Но это уже другая история, об этом расскажу как-нибудь позже.

Скинув в прихожей верхнюю одежду, я сразу отправилась в ванную мыть руки. Включила свет и поморщилась: раковина была заляпана зубной пастой, к кафелю прилипли чьи-то волосы, на полу блестели лужицы воды.

— Алевтина Антоновна, может быть, поберегись здесь? Я что-то пока не в состоянии... — крикнула я.

— И я тоже не в состоянии, — заглянула в ванную Тугина. — А чем ты все время недовольна, Лид? Вечно тебе грязь мерещится. Это, говорят, какое-то психическое заболевание, когда человек постоянно все чистит-убирает и руки моет через каждые пять минут. Ты это... не бережешь себя. Иди лучше отдохни.

Спорить с Тугиной мне не хотелось, и я смиренно побрела к себе в комнату. Но все же, несмотря на мою временную тугоухость и закрытую дверь, с кухни отчетливо доносился грохот кастрюль. Затем Алевтина включила телевизор. Она любила слушать новости, смотреть сводки криминальных новостей... Чего я терпеть не могла.

Рядом с кроватью я на всякий случай положила мобильный. И тут же, не успев толком прилечь, услышала трель. Разговора со мной жаждал начальник.

— Алло... Борис Львович, добрый день. Говорите, пожалуйста, громче, я не очень хорошо слышу.

— Лидхен, привет! А ты выключи телевизор, невозможно же!

— Борис Львович, это не у меня, это у соседки.

— Да?! У вас такие тонкие стены? Сочувствую, дитя мое. А я хочу узнать, как твое здоровье. Когда ты снова будешь в строю, так сказать? Дело в том, что через пару дней состоится конференция в Гамбурге, и людей не хватает.

— Борис Львович, пока никак. У меня отит, выписали антибиотики. Я половину слов не слышу. Говорят, все пройдет, но нужно время.

— Ох ты, детка... Все понял, ладно-ладно, не переживай, лечись сколько надо, я тебя дергать не буду.

Начальник что-то буркнул.

— Что? Не слышу!

— Я говорю, ты ж моя хорошая девочка... до свидания, Лидхен, выздоравливай!

— Спасибо, Борис Львович! До свидания!

Я отложила телефон и наконец легла на кровать, не раздеваясь, свернулась в клубок.

Вдруг открылась дверь. В проеме появилась Тугина.

— Я тут стучу, стучу... Я тебе главное не сказала, Лида.